

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

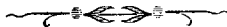
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

ОКТАБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1903.

Памятникъ Н. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Къ исторіи открытія памятника И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Надлежащее отношеніе потомства къ памяти и заслугамъ общественныхъ дѣятелей, несомнѣнно, указываетъ на степень развитія общества, на его сознательное отношеніе къ своему прошлому. Условія развитія украинской литературы въ 19 вѣкѣ мало способствовали тому, чтобы современники, а затѣмъ и потомство, воздавали должное труженикамъ украинскаго слова. Какъ результатъ такого положенія, мы можемъ констатировать такой печальный фактъ: прошло цѣлое столѣтіе существованія малорусской литературы, и на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ раскинулось 23 милліона малорусскаго населенія, ни одинъ писатель не былъ почтенъ столь обычнымъ, всемірно принятымъ способомъ—постановкой памятника.

Несомнѣнно, суммой многихъ причинъ надо объяснить такое грустное положеніе. Внѣшнія условія, конечно, играли первенствующее значеніе среди этихъ причинъ, но не мало къ тому было причинъ, явившихся совершенно самостоятельно, въ связи съ направленіями даже болѣе прогрессивной общерусской литературы, зачастую совершенно игнорировавшей духовную жизнь и запросы южно-русскаго народа. Изслѣдовать психологическій процессъ пробужденія сознательнаго отношенія къ заслугамъ Котляревскаго, какъ начинателя украинской литературы—будетъ интересной и поучительной задачей. Надлежащее выполненіе ея

должно быть поставлено въ связи съ общей характеристикой современнаго общества; наша же задача гораздо скромнѣе: мы хотимъ только отмѣтить нѣкоторые болѣе характерные моменты въ исторіи созданія памятника Котляревскому, въ которыхъ отразилось то или другое отношеніе общества къ идеѣ постановки памятника или ея осуществленію. Все это можетъ въ послѣдствіи послужить нѣкоторымъ матеріаломъ для выполненія болѣе широкой задачи, указанной выше. Самый же фактъ открытія памятника въ Полтавѣ 30 августа сего года даетъ основаніе именно теперь использовать данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи.

Зарожденіе идеи постановки памятника Котляревскому въ Полтавѣ, на родинѣ писателя, тѣсно связано съ заботой о могилѣ его и о возобновленіи памятника на этой могилѣ. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ смерти И. П. Котляревскаго (1838 г.), погребеннаго на старомъ городскомъ кладбищѣ, въ южной части его, у самой дороги на г. Кобеяки, друзьями усопшаго былъ поставленъ скромный памятникъ изъ мѣстнаго кирпича. Ко времени столѣтія со дня рожденія поэта (1768 года), почитателями его памятникъ былъ нѣсколько ремонтированъ, но обветшавшая кирпичная кладка быстро шла къ разрушенію, и въ концѣ 70-хъ годовъ памятникъ имѣлъ уже самый печальный видъ.—10-го января 1881 г. въ Полтавскую Городскую Управу было подано заявленіе гласнаго А. Алексенка, гдѣ онъ, указавъ печальное положеніе полуразрушившагося памятника съ едва уцѣлѣвшей мѣдной доской, говоритъ: «*всякій*, кому извѣстны труды Котляревскаго, *долженъ* сочувственно отнестись къ тому, чтобы привести памятникъ въ порядокъ и тѣмъ увѣковѣчить память достойнаго писателя». Обратившись официально къ городскому самоуправленію, гласный Алексенко и въ своей мотивировкѣ, и въ дальнѣйшемъ практическомъ предложеніи расширяетъ кругъ лицъ, которыя должны позаботиться объ увѣковѣченіи памятника писателю. По вопросу о средствахъ въ заявленіи говорится, что деньги могутъ быть получены отъ постановки въ театрѣ произведеній самого же Котляревскаго. При этомъ Алексенко надѣется на полное сочувствіе, какъ со стороны любителей сценическаго

искусства, такъ и со стороны публики вообще, могущей внести свою матеріальную лепту.

Этимъ заявленіемъ въ неясныхъ контурахъ намѣтилась та программа заботъ общества о памятникѣ поэту, которая, постепенно развиваясь, привела къ открытію памятника 30-го августа сего года.

Предложеніе г. Алексенка встрѣтило полное сочувствіе среди гласныхъ, и въ засѣданіи 26 марта того же 1881 г. состоялось постановленіе Думы о немедленномъ ассигнованіи 100 рублей на исправленіе памятника. Ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ того же года однимъ изъ гласныхъ хозяйственнымъ способомъ: «памятникъ оштукатуренъ, и вокругъ него поставлена прочная деревянная ограда, окрашенная бѣлой краской»,—такъ значитъ въ отзывѣ городского архитектора.

Такимъ образомъ, за утвержденіемъ Думой произведеннаго расхода на 53 рубля, 47 р. остались на тотъ же предметъ неизрасходованными, перечисляясь изъ года въ годъ и являясь первоначальнымъ фондомъ для увѣковѣченія памяти Котляревскаго.

Въ августѣ того же 1881 г. въ Управу было подано заявленіе антрепренера—артиста С. Н. Новикова, предложившаго устроить 2 народныхъ гулянья въ городскомъ саду съ тѣмъ, чтобы $\frac{1}{2}$ сбора пошло на исправленіе и ремонтъ памятника Котляревскому. «Принадлежа къ числу почитателей незабвеннаго творца образцовыхъ драматическихъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ,—писалъ онъ въ заявленіи,—я желалъ бы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать тому, чтобы памятникъ на могилѣ Котляревскаго былъ возобновленъ и чтобы такимъ образомъ напоминаніе о великомъ поэтѣ и гражданинѣ Полтавы (чѣмъ она имѣетъ право гордиться) не стерлось бы временемъ для глазъ, какъ по его безсмертнымъ твореніямъ ни во вѣки не сотрется память о немъ и поклоненіе его таланту въ сердцахъ и душахъ всего образованнаго міра».

Надо полагать, что успѣхъ этихъ народныхъ гуляній съ постановкой пьесъ Котляревскаго былъ значительный, такъ какъ, при небольшой платѣ за входъ (по 25 к.), половина чистаго сбора

выразилась въ суммѣ 350 р. 11 коп. Но и эта сумма, въ виду произведеннаго ремонта на городскую ассигновку, такъ и осталась неизрасходованной, переходя изъ года въ годъ и оставаясь запаснымъ фондомъ.

Случайно заѣзжій артистъ, внесшій и свою лепту, уѣхалъ изъ Полтавы; сами же полтавцы временно были удовлетворены произведеннымъ ремонтомъ памятника, дожидая, пока новое разрушеніе его вновь не поставитъ вопроса о болѣе прочномъ и достойномъ увѣковѣченіи памяти поэта. Проходили года. Текущіе интересы дня всецѣло поглощали вниманіе даже лучшихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, и вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Котляревскаго былъ временно забытъ.

Въ то же время незамѣтно шель ростъ общественнаго сознанія, подготовляя почву для болѣе широкой постановки вопроса о памятникѣ Котляревскому. И вотъ, когда въ 1891 г. въ мѣстныхъ газетахъ, а затѣмъ въ «Елисаветградскомъ Вѣстникѣ» (№ 104) появилось извѣстіе о крайне печальномъ положеніи могилы поэта, полтавское общество и вообще южно-русская интеллигенція съ разныхъ концовъ отозвались съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Былъ выдвинутъ вопросъ не только о ремонтѣ стараго, обветшалаго памятника на могилѣ и о замѣнѣ его новымъ, но на ряду съ этимъ и о постановкѣ памятника въ самомъ городѣ, на одной изъ площадей Полтавы.

Сочувствіе въ различныхъ уголкахъ края выразилось, между прочимъ, въ устройствѣ спектаклей со сборами на памятникъ поэту. Первая сумма поступила черезъ г. Климовича изъ Одессы (отъ почитателей Котляревскаго) 80 руб.; изъ Миргорода 35 р.—отъ распорядителя любительскаго спектакля, г. Далматова. Однако до 1894 г. вопросъ двигается очень медленно. Городская Управа поручила произвести осмотръ памятника городскому архитектору и собирала вообще свѣдѣнія о стоимости новаго.

Тѣмъ временемъ вопросъ этотъ проникъ и въ земскія сферы. Одному изъ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраній былъ предложенъ на обсужденіе докладъ о необходимости позаботиться о могилѣ малорусскаго писателя, мѣстнаго дѣятеля, уроженца

Полтавы. Земство ассигновало 1000 р. на постановку надмогильного памятника. При такихъ условіяхъ, естественно было городскому управленію сосредоточить все свое вниманіе и заботу на постановкѣ памятника въ городѣ. И вотъ, въ мартѣ 1894 г. Городской Управой изготовляется подробный мотивированный докладъ очередному засѣданію Думы о постановкѣ памятника Котляревскому.

Этотъ докладъ является краеугольнымъ камнемъ надлежащей постановки вопроса о памятникѣ и о способахъ осуществленія проекта. Сдѣлавъ оцѣнку заслугъ Котляревскаго, какъ родоначальника украинской литературы новаго періода, указавъ на то міровое значеніе, которое занимаетъ Котляревскій въ исторіи развитія и возрожденія славянскихъ литературъ, какъ начинатель малорусской литературы, а также отмѣтивъ его заслуги, какъ мѣстнаго дѣятеля, докладъ говоритъ: «относясь съ участіемъ къ памяти своего гражданина, общественнаго дѣятеля и родоначальника малорусской сцены и народной литературы, Управа не сомнѣвается, что Городская Дума вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ представителя населенія, признаетъ своимъ долгомъ положить начало сооруженію памятника Котляревскому въ самомъ городѣ».

Въ концѣ доклада Управа вносила слѣдующія предложенія: 1) ходатайствовать о разрѣшеніи подписки въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній; 2) мѣстомъ для устройства памятника избрать Петровскую площадь, противъ дома губернскаго земства; 3) войти въ соглашеніе съ Губернской Земской Управой объ употребленіи ассигнованныхъ 1000 р. на устройство памятника въ городѣ и просить ее принять участіе въ обсужденіи проекта совмѣстно съ Городской Управой; 4) исправить пришедшій въ ветхость памятникъ на могилѣ; 5) отчислить изъ городскихъ суммъ въ видѣ пожертвованія извѣстную сумму на памятникъ, каковую и внести въ дополнительную смѣту. Въ засѣданіи 31-го марта того же года Дума единогласно приняла всѣ предложенія доклада.

Ходатайство, направленное къ губернатору въ маѣ того же года, не имѣло дальнѣйшаго движенія почти годъ, и въ засѣданіи Думы

16 мая 1895 г. по этому же вопросу состоялось дополнительное постановление. Въ этомъ засѣданіи городской голова доложилъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ходатайство объ открытіи подписки можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, если районъ подписки будетъ ограниченъ только предѣлами полтавской губерніи. Предложеніе такого ограниченія было принято Думой, и 2 августа того же года Управой было получено увѣдомленіе г. губернатора, что Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшена просимая подписка на сооруженіе памятника Котляревскому.

Умѣстнымъ будетъ упомянуть, что Черниговская Городская Управа, въ виду сказаннаго ограниченія района официальной подписки, сама возбуждала ходатайство о разрѣшеніи ей подписки съ той же цѣлью въ предѣлахъ Черниговской губерніи, но ходатайство это было отклонено.

Съ этого времени все вниманіе Управы сосредоточивается на разсылкѣ подписныхъ листовъ и на приглашеніи принять участіе въ сборѣ пожертвованій, обращаясь какъ къ цѣлымъ учрежденіямъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ въ губерніи. Одновременно съ этимъ въ газетахъ появились статьи и замѣтки о предстоящей постановкѣ памятника.

Къ 1-му октября 1896 г. Управой былъ составленъ первый отчетъ о сборахъ. Результаты 1-го года подписки далеко превзошли ожиданія многихъ пессимистовъ, которые, при сказанномъ ограниченіи района разсылки подписныхъ листовъ, никакъ не надѣялись получить въ кассу Управы болѣе 3—4 тысячъ руб. Къ 1-му января 1898 г. всего поступило 6418 р. 12 к. Къ 1-му января 1898 г. былъ опубликованъ 2-ой отчетъ, при чемъ оказалось, что сборъ достигъ 9145 р. 91 к.

Сосредоточивъ свое вниманіе, какъ сказано, на сборахъ пожертвованій, Управа всѣ остальные вопросы о деталяхъ памятника, размѣрахъ его и стоимости оставила совершенно открытыми, и только послѣ опубликованія 1-го отчета, когда степень сочувствія и матеріальная поддержка со стороны почитателей были хотя отчасти выяснены и сооруженіе памятника обезпечено, тогда только приступила къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ,

связанныхъ съ постановкой памятника. Вопросы эти и были предложены на обсужденіе Думы уже 27 апрѣля 1897 г.

Здѣсь необходимо остановиться на одномъ эпизодѣ, создавшемъ очень серьезный моментъ въ исторіи сооруженія памятника.

Въ № 62 «Подт. Вѣд.» появилась замѣтка за подписью И. Ф. П., въ которой авторъ, воздавъ должную похвалу сочувствію публики, собравшей на памятникъ за первый же годъ болѣе 6 тысячъ р.,— предлагалъ, *не ставя памятника писателю*, почтить память такого дѣятеля, какимъ былъ К—ій, другимъ какимъ-либо способомъ. Далѣе, авторъ проектируетъ обратить собранный капиталъ на постройку зданія имени К—ого, въ которомъ сосредоточить различныя, уже существующія, просвѣтительныя учрежденія Полтавы, какъ напримѣръ: коммиссія народныхъ чтеній и другія. Несомнѣнно, такая мысль могла найти сторонниковъ среди нашей интеллигенціи, стоящей близко къ различнымъ учрежденіямъ Полтавы, для которыхъ эти 6 тысячъ р. и дальнѣйшія поступленія были-бы совершенной находкой. Но какъ бы ни были милы и полезны уже существующія учрежденія г. Полтавы, цѣль и задачи ихъ далеко не совпадаютъ съ памятью К—ого и съ исключительными заслугами его, какъ начинателя украинской литературы; вотъ почему такимъ предложеніемъ рѣзко нарушалась первоначальная идея увѣковѣченія памяти малорусскаго писателя. Я уже не говорю о чисто формальной сторонѣ такого предложенія, извращающаго цѣль, о которой говорила Управа, обращаясь къ жертвователямъ и предлагая внести свою лепту на *постановку „памятника“* К—му въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Оказывалось, что И. Ф. П. не такъ уразумѣлъ то значеніе К—ого и тѣ его заслуги, которыя вызвали сочувствіе общества и успѣхъ сборовъ. Непониманіе это было такъ велико, что въ своей статьѣ, обращенной главнымъ образомъ къ Городскому Управленію, но вспомнившей и о жертвователяхъ, авторъ говоритъ: «я глубоко убѣжденъ въ томъ, что ни одинъ изъ подписавшихся не только не возразить, но вполне сочувственно отнесется къ этому предложенію». Однако авторъ, какъ оказалось, ошибся: и въ

мѣстной прессѣ, и въ цѣломъ рядѣ письменныхъ заявленій отъ жертвователей были представлены возраженія этому проекту и просьбы—присланныя Управѣ деньги употребить только на постановку перваго памятника первому украинскому писателю.

Тѣмъ не менѣе вопросъ, возбужденный съ такой увѣренностью г. И. Ф. П., настолько сталъ предметомъ обсуждения, настолько затронулъ разнообразные круги мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ судьбой собранныхъ денегъ, что городской голова счелъ долгомъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Думы, а именно 27 апрѣля 1897 г., поставить этотъ вопросъ на обсужденіе Думы, изложивъ фактическую сторону дѣла. Послѣ незначительныхъ преній, гласный г. Полѣвецъ просилъ точно возстановить передъ Думой прежнее ея постановленіе и указалъ затѣмъ, что одна формальная сторона дѣла разрѣшаетъ этотъ вопросъ безповоротно—въ смыслѣ прежняго же постановленія, уже вошедшаго въ законную силу, приводимаго въ исполненіе и опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе. Гласный Маркевичъ отмѣтилъ полную невозможность перерѣшенія вопроса и по чисто принципиальнымъ соображеніямъ, указавъ на совершенное извращеніе первоначальной идеи постановки памятника — предложеніемъ, сдѣланнымъ въ печати И. Ф. П. Дума, въ виду всего этого, постановила остаться при прежнемъ рѣшеніи и довершить начатое дѣло постановки именно „*памятника*“ поэту. Тогда же была избрана комиссія для дальнѣйшихъ заботъ о постановкѣ памятника. Избраніе комиссіи мало измѣнило общій медленный ходъ всего дѣла. Не получивъ надлежащихъ инструкцій и полномочій, быстро измѣнившаяся въ своемъ составѣ, за отъѣздомъ нѣкоторыхъ членовъ ея изъ Полтавы, комиссія собиралась рѣдко, когда Управа признавала необходимымъ подвергнуть обсужденію тотъ или другой вопросъ. Такъ, первое собраніе ея состоялось 12 октября того же 1897 г.; слѣдующее собраніе было созвано только въ февралѣ 1898 г. Къ этому же времени вполнѣ выяснилось, что извѣстный скульптуръ Л. В. Позенъ, уроженецъ и землевладѣлецъ полтавской губ., изъявилъ согласіе и полную готовность вылѣпить для памятника

бюсть писателя. При дальнѣйшемъ обсужденіи деталей проекта, было предложено украсить по возможности его барельефами, изображая отдѣльные моменты изъ 3-хъ произведеній К—го: «Иды», «Наташки-Полтавки» и «Москва-Чаривныка».

Помимо общаго наблюденія за ходомъ работъ и подписки и сборамъ Управы, совмѣстно съ комиссіей, пришлось особенно сосредоточить вниманіе на разрѣшеніи вопросовъ о размѣрѣ мѣста, о надписяхъ на памятникѣ и о времени открытія его.

Въ двухъ печатныхъ отчетахъ о поступленіи пожеланій за періоды на 1 октября 1896 г. и на 1-ое января 1897 г., Управа сообщала, что ею «принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы открытіе памятника приурочить къ 1898 г., къ столѣтію перваго печатнаго произведенія К—го, знаменитой Энеиды, представляющей собой исходный пунктъ возникшей затѣмъ украинской народной литературы на ряду съ возрожденіемъ народныхъ литературъ въ другихъ славянскихъ земляхъ». Однако въ засѣданіи комиссіи 12 октября 1898 г. лично присутствовавшимъ скульпторомъ Л. В. Позеномъ было сообщено, что бюсть К—го законченъ въ исполненіи гипсомъ, а къ работѣ барельефовъ, задуманныхъ гораздо позже, уже приступлено; при этомъ была представлена модель одного барельефа: встрѣчи Наташки съ Вознымъ. При такомъ положеніи вещей ясно было, что открытіе памятника въ 1898 г. состояться не можетъ.

Между тѣмъ, разосланный второй отчетъ, опредѣленно намѣтившій время открытія, а также появившіяся вскорѣ газетныя сообщенія по поводу этого отчета, обратили общее вниманіе жертвователей, и послѣдніе, очевидно, были преисполнены ожиданія предстоящаго торжества, предполагая таковое 29 октября, въ день смерти поэта. Однако, объ ожиданіи, какъ сказано, не могло быть и рѣчи. Городское самоуправленіе въ этотъ день почтило память К—го панихидой въ кафедральномъ соборѣ; почитателями же его былъ устроенъ въ 2-мъ общественномъ собраніи вокально-музыкальный вечеръ, посвященный памяти К—го. Мѣстная газета помѣстила статью, соответствующую юбилейному дню. Этимъ и ограничились Полтавскіе поминки К—го.

Однако, пѣкоторые иногородніе почитатели поэта сочли своимъ долгомъ выразить свои сердечныя привѣтствія Городскому Управленію, взявшему на себя заботы по постановкѣ памятника К—му, приурочивъ эти привѣтствія ко дню смерти его и ко дню устройства юбилейнаго литературнаго вечера. Особенно сердечно откликнулись наши зарубежныя австрійскіе братья, русины: 29 октября городскимъ управленіемъ было получено отъ нихъ 18 телеграммъ съ выраженіемъ самыхъ сердечныхъ пожеланій культурнаго процвѣтанія края. Можно съ увѣренностью сказать, что далеко немногіе изъ полтавцевъ ясно представляютъ себѣ, насколько близко сердцу зарубежныхъ братьевъ открытіе памятника. Вотъ почему и для городского самоуправленія такая отзывчивость, повидимому, была въ значительной степени неожданностью: понявъ, что эти привѣтствія относятся исключительно къ открытію памятника, Управа тогда же не выразила надлежащей благодарности зарубежнымъ сосѣдямъ, и только теперь, въ дни минувшихъ торжествъ она вновь получила возможность исполнить лежачій на ней долгъ...

По минованіи юбилейнаго года, вопросъ о времени открытія самъ собой былъ отложенъ на неопредѣленное время, какъ впоследствии оказалось—ровно на пять лѣтъ...

Столь простой вопросъ, какъ выборъ мѣста для памятника К—му, осложнился до небывалыхъ размѣровъ. Если вспомнить первоначальное постановленіе Думы 31 марта 1894 г., то и тогда категорически мѣстомъ памятника назначалась Петровская площадь. Впоследствии, отчасти подъ вліяніемъ слуховъ (источники которыхъ невозможно было уловить), что на этой площади предполагаютъ ставить памятникъ Петру I, Управа сочла нужнымъ вновь обсудить вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Вопросъ этотъ Думѣ пришлось не только многократно обсуждать въ своихъ засѣданіяхъ, но дѣлать цѣлый рядъ постановленій и трижды рѣшать его, полагая каждый разъ, что это рѣшеніе окончательное.

Среди почитателей поэта вопросъ этотъ возбудилъ не только многократные дебаты, но породилъ цѣлую полемику въ мѣстныхъ органахъ. Нѣкоторыя корреспонденціи въ иногороднихъ газетахъ даже высмѣивали этотъ споръ о мѣстѣ, предлагая памятникъ сдѣлать подвижнымъ, чтобы удовлетворить спорящія стороны.

Но вопросъ этотъ не комичный, а очень серьезный, и потому заставляеть меня остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Гласными и лицами, заинтересованными судьбой памятника, одновременно предлагалось Управѣ 11 мѣстъ. Въ этихъ предложеніяхъ можно различить два противоположныхъ взгляда, которыми руководились отдѣльныя лица, предлагавшія то или другое мѣсто. Одни находили, что памятникъ надлежитъ поставить въ центрѣ города, въ возможно людномъ пунктѣ, на показъ публикѣ. Такія условія, какъ тѣснота предлагаемаго пункта, несимметрія направленія улицъ, скученность и даже грязь квартала,—все это отходило на 2-й планъ. Другіе говорили наоборотъ: памятникъ народному поэту, муза котораго впервые зацѣла *свою родину тѣсно* на родномъ языкѣ, проявила жизнь несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ окружающей родной стихіи, чудной природы; такой памятникъ долженъ стоять какъ можно ближе къ этой природѣ, въ обстановкѣ, вдохновлявшей поэта.

Несомнѣнно, что оба эти направленія не чужды были крайностей: нельзя руководствоваться только бойкостью мѣста; нельзя ставить памятникъ среди, или правильнѣе—въ виду чудной природы, игнорируя совершенно «публичность» такого памятника и забывая условія, съ которыми связано посѣщеніе этого мѣста, когда просто приходится искать памятника. Удовлетвореніе по возможности обоимъ этимъ требованіямъ было бы наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса.

Когда вполнѣ выяснились эти два крайнихъ теченія, члены комиссіи не изъ числа гласныхъ, г.г. Рудченко и Дмитріевъ, подали подробныя, мотивированныя заявленія, въ которыхъ, охарактеризовавъ эти два направленія, доказывали, что несомнѣнно мѣстомъ, наиболѣе удовлетворяющимъ двумъ этимъ требованіямъ, должна быть признана намѣченная Думой Петровская площадь:

мѣсто это довольно центральное, людное; изъ разводимаго сквера возможно всегда выдѣлить площадь, пропорціональную размѣрамъ памятника, а въ отношеніи посадокъ, декорировки, цвѣтовъ и проч. легко создать уголокъ, стильно воспроизводящій украинскую природу, вдохновлявшую поэта и пробуждавшую въ немъ силу южно-русскаго народнаго творчества, проявивъ которое, К--ій и сталъ первымъ выразителемъ этого народа. Въ такомъ же смыслѣ были заявленія и въ мѣстной прессѣ, правда, имѣвшей въ своей средѣ и горячихъ поклонниковъ площадки за соборомъ. Что касается комиссіи, то въ засѣданіи 10-го февраля 1898 г., она единогласно признала, что «лучшее мѣсто для памятника—на Петровской площади, даже въ томъ случаѣ, если зданіе для просвѣтительныхъ учрежденій имени Гоголя было бы устроено не на этой площади». Въ засѣданіи же 12 октября того же года, обсуждая выдвинутый вопросъ о площадкѣ за соборомъ, комиссія высказалась противъ этого мѣста.

За Петровскую площадь были поданы мнѣнія отдѣльными жертвователями, къ которымъ присоединялась и редакція «Кіевской Старины». Въ заявленіи своемъ редакція «Кіевской Старины»; писала: «взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, редакція пришла къ мысли, что лучшимъ мѣстомъ для памятника пужно считать Петровскую площадь. Заявляя объ этомъ въ дополненіе къ ряду статей, редакція, живо интересуясь разрѣшеніемъ этого вопроса, льститъ себя надеждой, что Полтавская Управа и даже Дума примуть во вниманіе, въ ряду другихъ заявленій, мнѣніе тѣхъ людей, которые, любя родину и всячески заботясь о благѣ ея, желали бы, не имѣя юридическихъ на то правъ, подать свой голосъ хотя бы въ формѣ совѣщательной, если нельзя въ формѣ рѣшающей».

Новидимому вопросъ о Петровской площади имѣлъ очень много шансовъ разрѣшиться въ положительномъ смыслѣ; но Дума въ засѣданіи 1-го ноября 1899 г. 18-ю голосами противъ 13 избрала Протопоповскій бульваръ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что скульпторъ Позенъ высказался противъ Петровской площади, находя, что она слишкомъ велика въ сравненіи съ памятникомъ,

съ чѣмъ пишущій эти строки никакъ не можетъ согласиться, такъ какъ и въ громадномъ паркѣ можетъ быть выбрана или образована поляна—мѣсто, пропорціональное размѣрамъ монумента.

Несмотря на окончательность этого рѣшенія, въ извѣстной части общественное мнѣніе далеко не было удовлетворено такимъ выборомъ, и время отъ времени раздавались протестующіе голоса, какъ въ заявленіяхъ Управѣ, такъ и въ печати. При этомъ указывалось на узость самого бульвара, чрезвычайную скученность кварталовъ, въ которые попадалъ памятникъ; отмѣчалось, что съ одной стороны его будутъ торговые ряды, отчасти пустые, а съ другой стороны—гостинница, цѣлый рядъ ремесленниковъ, съ 5-ю дамскими портными во главѣ, разукрасившими всю улицу соответствующими вывѣсками, объявленіями и выставками. Такая обстановка едва ли могла соответствовать характеру памятника малорусскому поэту, да еще въ Полтавѣ, вообще утопающей въ зелени и разбросавшейся на большое пространство.

Выборъ Протопоповскаго бульвара на столько составлялъ злону дня для обывателей, что впослѣдствіи, какъ протестъ противъ этого мѣста, стали циркулировать въ большомъ количествѣ писанныхъ экземпляровъ 2 сатирическихъ стихотворенія: одно изъ нихъ «Жалибна сунлика на той свить К—му» отъ гласныхъ, подавшихъ голосъ за Протопоповскій бульваръ. Затѣмъ второе «Отклькь съ того свиту видь, Ивана Петровыча сына Котляревського».

Въ концѣ 1901 года вопросу о мѣстѣ, повидимому навсегда сданному въ архивъ, суждено было еще разъ всплыть и быть предметомъ самыхъ горячихъ обсужденій. Къ этому времени закончилась постройка просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя. Совершенно измѣнившійся видъ Ивановской улицы или площади, на которую выходитъ это зданіе, побудило нѣкоторыхъ гласныхъ подать заявленіе въ Управу о пересмотрѣ вопроса о мѣстѣ для памятника, при чемъ, какъ на лучшее, указывалось на площадь передъ просвѣтительнымъ зданіемъ-театромъ. Въ засѣданіи 13 декабря 1901 года, Дума, обсудивъ заявленіе 5-ти

гласныхъ, послѣ долгихъ преній, постановила: передать этотъ вопросъ на обсужденіе комиссіи, избравъ таковую изъ 8-ми гласныхъ и 6 лицъ, не принадлежащихъ къ составу таковыхъ. Обсуждая главнымъ образомъ замѣну Протопоповскаго бульвара Ивановской улицей, члены комиссіи значительнымъ большинствомъ высказались за послѣднюю, видя въ ней, во-первыхъ, возможность въ общемъ удовлетворить два указанныхъ раньше теченія; во-вторыхъ—близость театра, бібліотеки, музея дѣлали мѣсто это болѣе подходящимъ для памятника писателю. Но на слѣдующій же день, 20 декабря, при новой баллотировкѣ вопроса, совершенно неожиданно, большинствомъ *одного* голоса (14 противъ 13), Дума избрала забракованную раньше *площадку возлѣ гостиницы Воробьева*.

Это было вторичное и повидимому окончательное рѣшеніе!

Но обыватель, близко принимающій къ сердцу судьбу памятника, не могъ остаться покойнымъ наблюдателемъ такихъ метаморфозъ. Взволнованное общественное мнѣніе вскорѣ представило въ результатъ протестъ 15-ти гласныхъ, просившихъ новаго пересмотра вопроса. Въ особомъ мнѣніи этихъ гласныхъ, при сопоставленіи двухъ названныхъ мѣстъ, между прочимъ говорится: «здѣсь только (на Ивановской ул.) имѣется та полнота обстановки, которая обеспечиваетъ для памятника больше вниманія къ нему, т. к. именно здѣсь, въ театрѣ, ставятся произведенія Котляревскаго, и вся обстановка—Гоголевское зданіе, бібліотека и музей—создаетъ тотъ уголокъ города, гдѣ концентрируется духовная жизнь, въ созданіе элементовъ которой сдѣлалъ свой вкладъ и родной писатель»... «Здѣсь является возможнымъ имѣть вокругъ памятника сверь, гдѣ могли бы посидѣть и порѣзвиться дѣти, въ воспитаніи которыхъ образъ родного писателя могъ-бы сыграть культурную роль, какою дорожатъ всѣ народы, помнящіе свою исторію, любящіе свой край и твердо знающіе, что гдѣтъ прочнаго общества безъ любви къ своему краю и безъ памяти о лучшихъ его людяхъ».

Такъ говорила совѣсть 15 гласныхъ, искренно желавшихъ лучшаго мѣста для памятника. Къ этому мнѣнію присоединились

нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, не состоящіе гласными, о чемъ ими было подано особое заявленіе Управѣ. При этомъ надо упомянуть, что еще до перваго рѣшенія Думы, въ августѣ 1899 г., городской голова просилъ артистовъ бывшей тогда малорусской труппы высказаться по вопросу о мѣстѣ, и представители труппы, гг. Карпенко-Карый и Садовскій, и лично, и въ письменномъ заявленіи Управѣ, подробно мотивируя, указывали именно на мѣсто по Ивановской улицѣ, противъ театра—Просвѣтительнаго зданія.

Два раза—въ засѣданіяхъ 4 февраля и 11 марта 1902 года вопросъ этотъ откладывался окончательнымъ рѣшеніемъ, и наконецъ 21-го марта того-же года избранъ вновь *Протопоповскій бульваръ*.

По поводу всей этой исторіи невольно вспоминаются послѣднія строки «Жалибной суплики» Котляревському:

«Прыймы-жъ видь насъ це мисце друже,
Не лай-же насъ за ёго дуже
И головы намъ не морочь!
Бо въ насъ теверь такого дила—
Йй Богу, вси ажъ побилили!
Водопроводъ та той трамвай
Ни йнсты не дають, ни спаты;
Мы збылись съ, пацельку, брате,
То вже хочь ты насъ не збывай»...

Н. Дмитріевъ.
